Сибириум

До и после

Иньюэ Ван

Сибириум: до и после

«Автор»
2026

Ван И.

Сибириум: до и после / И. Ван — «Автор», 2026

Два детектива - криминалиста Иньюэ и Сяолун осматривают труп мужчины в переулке под дождём и находят странную деревянную коробку с надписью «СИБИРИУМ». Внутри — фигурки, похожие на них самих, карты и игровое поле. Коробка внезапно вспыхивает светом, и обе героини теряют сознание.Они приходят в себя уже в чужих телах: Иньюэ становится эльфийкой, Сяолун — бардом. Они оказываются на таинственной станции с поездом, где безликий голос объявляет им правила игры: каждый ход определяется броском двенадцатигранного кубика, задания даются в стихах, отказываться нельзя, а если игра не будет доведена до конца — они останутся здесь навсегда.

© Ван И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Иньюэ Ван
Сибириум: до и после

Глава 1

Дождь шёл уже третий час, и, казалось, сам город устал от него. Тяжёлые капли срывались с карнизов, разбивались о жестяные отливы, стекали по стенам, превращая переулок в узкую реку отражений. Фонари здесь горели через один — то ли от старости, то ли от равнодушия коммунальных служб, — и их жёлтый свет тонул в мокром асфальте, дробился, расплывался, словно акварель на промокашке.

Иньюэ стояла неподвижно. Она умела так — замереть посреди хаоса, стать его центром, точкой абсолютного покоя, вокруг которой крутится всё остальное. Чёрное пальто, поднятый воротник, руки в карманах — она походила на изваяние, случайно оказавшееся в переулке. Только глаза жили на этом застывшем лице: тёмные, внимательные, они медленно скользили по телу, лежащему на мокром камне.

Молодой мужчина. Лет двадцать восемь, может, тридцать. Лицо обращено к небу, глаза открыты — в них не было ни страха, ни боли, ни удивления. Только странная, почти умиротворённая полуулыбка, словно он увидел что-то, чего не видели остальные. Дождь смывал с его лица пыль, собирался в глазницах, стекал по щекам, как слёзы, которых он уже не мог пролить. Тонкая струйка крови из носа давно размылась, оставив на губе едва заметный розоватый след — единственное свидетельство того, что тело когда-то было живым.

— Иньюэ!

Голос Сяолун пробился сквозь шум дождя — звонкий, взволнованный, чуть задыхающийся. Она бежала по переулку, придерживая капюшон, её рыжие волосы всё равно выбивались наружу, липли к щекам, горели в тусклом свете, как маленькое солнце, заблудившееся в этом сером мире. Она была полной противоположностью напарницы: живая, порывистая, каждое чувство отражалось на её лице прежде, чем она успевала его спрятать.

— Ты видела это? — Сяолун остановилась рядом, переводя дыхание. — Я обошла весь квартал. Ни камер, ни свидетелей, ни следов. Вообще ничего! Как будто он просто... появился тут и сразу умер! — Он не умер, — холодно ответила Иньюэ. Голос у неё был ровный, без интонаций, словно она читала вслух телефонный справочник. — Он убит. Что-то остановило его сердце. Смотри.

Она присела рядом с телом — одним плавным, выверенным движением. Перчатка из тонкой кожи коснулась запястья мужчины.

— Смотри, — повторила она, указывая на левую руку. Пальцы были сжаты в кулак, но не плотно, словно он пытался что-то удержать в последний момент. Между ними виднелся краешек металла — тускло-золотистый, с гравировкой. — Что это? — Сяолун присела рядом, доставая фонарик. Луч света выхватил из темноты странный предмет: металлическую пластину размером с ладонь, покрытую витиеватой резьбой. Спираль, уходящая внутрь себя, — гипнотическая, затягивающая взгляд. — Не трогай, — Иньюэ перехватила её руку. Пальцы у неё были холодными даже сквозь перчатку. — Сначала фотофиксация. — Да знаю я, знаю! — Сяолун закатила глаза с преувеличенной досадой, но послушно отстранилась. — Просто... странно это. Он что, специально что-то прятал? В кулаке? В последний момент? — Или это вложили ему в руку после убийства, — сказала Иньюэ, доставая телефон. Вспышка озарила переулок, вырвав из темноты на миг детали: трещину в асфальте, окурок у стены, водосток, из которого хлестала вода. — Но зачем?

Она работала быстро и методично: снимок, ещё снимок, с разных ракурсов, с масштабной линейкой, с зумом. Сяолун тем временем отошла к стене, внимательно осматривая её, словно надеялась найти хоть что-то — след, царапину, знак.

— Иньюэ, — позвала она через минуту. Голос звучал странно. — Иди сюда. — Что там? — Просто иди.

Иньюэ поднялась, оставив тело, и подошла. Сяолун стояла у стены, направив фонарик вниз, в тень между двумя выступами кирпичной кладки. Там, у самой земли, под потёками воды, стояла небольшая деревянная коробка.

Тёмное дерево, почти чёрное от влаги — хотя нет, не от влаги. Оно и было таким, словно выгоревшим изнутри, обугленным, но не тронутым огнём. По углам — латунная окантовка, позеленевшая от времени, а на крышке — та же спираль, что и на пластине, только больше, глубже вырезанная, с какими-то символами по краям, похожими на звёзды или руны.

И дождь. Дождь не касался коробки. Капли огибали её, оставляя вокруг сухой круг идеальной формы, словно кто-то нарисовал невидимый купол и запретил воде его пересекать.

— Это... ненормально, — Сяолун нервно сглотнула. — Иньюэ, это же ненормально, да? Дождь не должен... — Много чего не должно быть, — отозвалась та, но в её голосе впервые за вечер появилась едва уловимая трещинка — как тонкий лёд на поверхности глубокой реки. Она присела перед коробкой, наклонила голову, изучая. — Смотри, тут есть надпись.

На боковой стороне, выжженная или вырезанная, виднелась надпись на незнакомом языке — витиеватые символы, похожие на спирали и звёзды, переплетающиеся в узор, от которого слегка кружилась голова. А под ними — слово, которое они обе смогли прочитать, хоть оно и было написано странным, текучим шрифтом, словно буквы плыли по дереву:

СИБИРИУМ

— Сибириум? — Сяолун нахмурилась. — Это что, игра? Типа настольная?

Иньюэ провела пальцем по крышке, не касаясь, — просто повторила контур спирали в воздухе. Коробка слабо завибрировала под её прикосновением, словно отзываясь.

— Настольная игра, — сказала она. — Или что-то, что ею притворяется. — В смысле «притворяется»? — Смотри на замок. Он открыт.

Действительно, латунная защёлка была откинута, хотя выглядела целой. Иньюэ осторожно приподняла крышку — та подалась без скрипа, словно её смазывали совсем недавно.

Внутри, на бархатном ложе лежали фигурки. Две маленькие, вырезанные из тёмного дерева, с едва различимыми чертами лиц. Одна фигурка была выше, с длинными волосами, застывшая в спокойной позе, словно наблюдала. Вторая — поменьше, с растрёпанной чёлкой и вздёрнутым носом, в позе, словно она только что куда-то бежала. Между ними, в центре коробки, лежала колода карт, перевязанная чёрной лентой, и сложенное поле — тёмное, с нанесёнными на него серебристыми линиями, похожими на железнодорожные пути, уходящие в бесконечность.

— Это... — Сяолун запнулась, и её голос дрогнул. — Это же мы.

Иньюэ посмотрела на неё. Потом снова на фигурки. Одна — высокая, с гладкими волосами, застывшая в спокойной позе. Вторая — с вздёрнутым носом и растрёпанными прядями, словно только что бежала.

— Совпадение, — сказала Иньюэ, но голос прозвучал неубедительно даже для неё самой. — Совпадение?! — Сяолун всплеснула руками, и капли дождя брызнули с её рукавов. — Иньюэ, тут дождь не идёт над коробкой! Тут фигурки, похожие на нас! Игра какая-то странная, а ты говоришь «совпадение»? — Я говорю то, что вижу. — Иньюэ закрыла коробку и подняла её. — Мы забираем это в участок. Пусть эксперты...

Она не договорила. Коробка в её руках дёрнулась. Раз. Другой. Как будто внутри что-то билось о стенки — ритмично, настойчиво.

— Иньюэ... — Сяолун попятилась. — Она что, живая? — Нет. — Но голос Иньюэ звучал неуверенно, впервые за весь вечер. — Это что-то с механизмом. Может, пружина...

Коробка дёрнулась сильнее. Крышка приподнялась сама собой, и из щели вырвался тонкий луч света — бледно-золотистого, тёплого, словно от свечи. Он становился ярче с каждой секундой.

— Положи её! — крикнула Сяолун.

Иньюэ попыталась разжать пальцы, но не смогла. Коробка словно приклеилась к её ладоням, стала продолжением рук, тяжёлым и горячим.

— Я не могу, — сказала она, и впервые за долгое время в её голосе прозвучал страх. Настоящий, холодный, сковывающий.

Свет стал ярче. Он вырывался из коробки, окутывая обеих женщин, в этом свете Сяолун увидела, как фигурки внутри поворачивают головы. Медленно. Синхронно. К ним.

— Иньюэ! — Сяолун схватила напарницу за руку, пытаясь оттащить её, но её пальцы тоже словно прилипли к дереву. Кожа под пальцами стала горячей.

Свет вспыхнул — ослепительно, до боли в глазах. А потом наступила тишина.

Свет погас так же внезапно, как и вспыхнул. Тишина длилась ровно один удар сердца — а потом звуки мира обрушились на них со всех сторон.

Первое что почувствовала Иньюэ это то, что её тело было не таким, как прежде. Не неправильным — иным. Рост, вес, даже воздух, которым она дышала, ощущались другими. Она открыла глаза и посмотрела на свои руки. Длинные, изящные пальцы, бледная кожа, почти светящаяся в тусклом свете, а на запястьях — тонкие серебряные браслеты с подвесками в форме звёзд. Ногти были длинными, безупречными, от всей этой руки исходило ощущение древней, отточенной грации.

— Что за... — начала она и осеклась. Голос был не её. Ниже, мелодичнее, с лёгкой вибрацией, словно струна, которую тронули и отпустили.

Она подняла взгляд. Напротив неё стояла... не Сяолун. Парень с волнистыми волосами цвета тёмного мёда, с кожей теплее, чем у Иньюэ, с плечами шире, чем у Сяолун, и в одежде, которая не имела ничего общего с их форменными куртками. На ней был бархатный камзол цвета вина, жилет с вышивкой, узкие штаны и высокие сапоги с пряжками. На поясе висела лютня, а в ухе блестела серьга с рубином.

— Иньюэ? — голос Сяолун дрогнул, сорвался, стал ниже. — Это... это ты? Почему ты... ты же... — Эльфийка, — закончила Иньюэ, оглядывая себя. Длинное платье из серебристой ткани, лёгкое, словно паутина, но тёплое. Волосы — она провела по ним рукой — длинные, гладкие, цвета вороного крыла. — А ты — бард.

Сяолун посмотрела на себя. Дотронулась до лютни, висящей на поясе, — та отозвалась тихим, мелодичным звоном. Потрогала серьгу. Провела рукой по камзолу. Она попыталась сделать шаг — и споткнулась о собственные сапоги, чуть не упав. Иньюэ инстинктивно дёрнулась, чтобы её поддержать, — и тоже покачнулась: её новое тело двигалось иначе, плавнее, но требовало привычки.

— Спокойно, — сказала она, хотя внутри у неё самой всё сжималось от беспокойства. — Спокойно, Сяолун. Мы живы. Мы вместе. Мы разберёмся. — Разберёмся?! — Сяолун уставилась на неё. — Я в чужом теле! Ты в чужом теле!Что тут разбираться?!

И тут воздух перед ними замерцал.

Свет собрался в центр перрона, закрутился спиралью, и из этой спирали проявился... никто. Просто свет. Просто голос.

«Добро пожаловать в Сибириум», — произнёс он.

Голос был ни мужским, ни женским. Он звучал отовсюду и ниоткуда одновременно, наполнял пространство, словно сама станция говорила с ними.

«Вы — фигурки на поле. Вы — герои этой истории. Ваши тела — не ваши тела. Ваши имена — не ваши имена. Слушайте правила, ибо нарушать их нельзя».

— Правила? — Иньюэ выпрямилась. Её новое тело отозвалось на это движение с готовностью, словно мышцы помнили что-то, чего не помнила она сама. — Какие правила?

«Первое. Каждый ваш ход определяется броском двенадцатигранного кубика. Как выпадет — так и будет. Судьба решает, вы — исполняете».

Сяолун открыла рот, чтобы возразить, но голос продолжил, не обращая на неё внимания:

«Второе. Задания даются в стихах. Слушайте внимательно. Отвечайте правильно».

— В стихах? — Сяолун нервно хохотнула. — Это что, детский утренник?

«Третье. Отказываться нельзя. Правила нельзя нарушать. Не выполнил задание — получил наказание. Наказания... разнообразны. И всегда неприятны».

Голос сделал паузу. Свет пульсировал, словно насмехаясь.

«Четвёртое. Игра должна дойти до конца. Иначе... вы останетесь здесь. Навсегда. В этих телах. В этом тумане. Среди тыкв».

Свет мигнул и погас. Тишина вернулась — тяжёлая, давящая.

Сяолун медленно опустилась на доски перрона — прямо там, где стояла, не заботясь о том, что пачкает бархатный камзол. Её новое тело двигалось неуклюже, словно она только училась ходить.

— Это сон, — сказала она. — Это просто сон. Я сейчас проснусь, и всё будет как раньше. Мы будем в переулке, будет дождь, будет тело, будет коробка... — Это не сон. — Иньюэ присела рядом, платье легло вокруг неё складками, словно вода. — Сяолун, посмотри на меня.

Та подняла глаза. В них стояли слёзы — настоящие, живые, они блестели в оранжевом свете тыкв.

— Я не хочу быть бардом, — прошептала она. — Я не умею играть на лютне. Я не умею петь. Я даже в школьном хоре стояла в третьем ряду и открывала рот! — Но мы здесь. И мы вместе. Значит, справимся. — Ты всегда так говоришь, — Сяолун шмыгнула носом. — «Справимся», «разберёмся», «не паниковать». А что, если мы не справимся? Что, если мы застрянем тут навсегда?

Иньюэ молчала. Она смотрела на свои новые руки — длинные, изящные, с серебряными браслетами, — и впервые за долгое время не знала, что сказать. Она привыкла контролировать всё: эмоции, тело, ситуацию. А сейчас контролировать было нечего. Всё вышло из-под контроля.

— Тогда мы хотя бы попробуем, — сказала она наконец. — Попробуем дойти до конца. Сыграть в эту игру. И вернуться.

Сяолун вытерла глаза тыльной стороной ладони — жест вышел неловким, чужим, словно она забыла, как это делается.

— А если кубик выбросит неудачные цифры? Если задание будет слишком сложным? — Тогда мы попробуем ещё раз. — Иньюэ поднялась и протянула ей руку. — Вставай. Если уж мы в игре, то надо играть.

Сяолун посмотрела на протянутую руку — бледную, эльфийскую, с длинными пальцами, — и вдруг тихо, почти истерически засмеялась.

— Знаешь, что самое странное? — сказала она, принимая помощь и поднимаясь. — Ты выглядишь... ну, эльфийкой. Тебе идёт.

Иньюэ моргнула. Потом уголок её губ едва заметно дёрнулся — не улыбка, но близко к тому.

— А ты выглядишь как бард, который забыл, как держать лютню. — Эй! — Пойдём. — Иньюэ повернулась к поезду. — Нас ждут.

Они шагнули к вагону. Полуночница всё ещё стояла на ступеньках — неподвижная, словно статуя, тыква в её руках тлела ровным огнём. Когда они подошли, она подняла голову, в её глазах отразились две маленькие искры.

— Фигурки двинулись, — сказала она. — Кубик ждёт.

Сяолун сглотнула. Иньюэ сжала её руку — крепче, чем собиралась.

— Тогда бросаем, — сказала она.

Где-то в глубине вагона, в темноте, что-то звякнуло. Двенадцатигранный кубик, появившийся из ниоткуда, покатился по полу, застучал по доскам — и замер.

Двенадцать граней, вырезанных из чего-то тёмного, похожего на обсидиан, блеснули в свете тыкв. На верхней грани горела цифра — ярко-серебристая, словно выжженная изнутри.

Восемь.

— Восемь, — произнесла Полуночница. Голос её был ровным, почти скучающим. — Стабильное число. Земля под ногами. Дорога впереди.

Сяолун нервно переступила с ноги на ногу — её новые сапоги скрипнули на досках.

— И что это значит? — спросила она. — Восемь — это хорошо или плохо?

Полуночница не ответила. Она лишь качнула тыкву в руках, и тлеющие угли внутри вспыхнули ярче, отбрасывая на её бледное лицо пляшущие тени.

Воздух перед ними снова замерцал. Свет собрался в спираль, закрутился, и голос — тот самый, безликий, всеобъемлющий — произнёс:

«Первый ход. Фигурки на старте. Чтобы сесть в поезд, нужно ответить. Слушайте загадку».

Сяолун вцепилась в руку Иньюэ. Пальцы у неё были тёплыми, живыми — и это было единственное, что казалось реальным в этом мире.

Голос сделал паузу, словно смакуя момент, а затем продекламировал:

«Стоит дом без окон, без дверей, Полон он до края Тем, кто шёл сюда в тиши, И не знал, что таит. Что за дом, где жильцы Не выходят со крыльца? Назови — и поезд твой Тронется с конца».

Тишина повисла над перроном. Тыквы мигнули — раз, другой, — их свет стал тусклее, словно станция затаила дыхание.

— Что это за бред? — прошептала Сяолун. — «Тронется с конца»? Это вообще рифма? — Тише, — Иньюэ прикрыла глаза. Её новое тело — тело эльфийки — словно отзывалось на мысли иначе, быстрее, яснее. Слова загадки крутились в голове, складываясь в образы. — Свеча? — предположила Сяолун. — Ну, знаешь, свеча тает, воск... Но дом без окон и дверей? — Не свеча. — Иньюэ открыла глаза. — Гроб.

Сяолун охнула.

— Что?! — Гроб, — повторила Иньюэ, ее голос звучал ровно, почти отстранённо. — Дом без окон и дверей. Полон до края теми, кто «шёл сюда в тиши» — мёртвыми. И «не знал, что тает» — плоть, которая истлевает.

«Верно. Фигурки могут сесть в поезд. Первый ход сделан».

Двери закрылись за ними с тихим стуком.

Глава 2

Вагон дышал.

Иньюэ поняла это сразу — поняла телом, а не разумом. Эльфийская кожа ощущала токи воздуха иначе, острее, и сейчас по её рукам бежали мурашки: вагон дышал. Медленно, тяжело, словно огромный зверь, свернувшийся в клубок. Деревянные панели стен были тёплыми на ощупь, а в щелях между досками теплился тусклый янтарный свет — не снаружи, а будто изнутри самого дерева, словно вагон был живым существом.

Пахло воском и болотом. Мокрой хвоей и мёдом. Старым бархатом и дымом. Запахи смешивались, наслаивались друг на друга, и от этого кружилась голова. Где-то в глубине вагона, в самой темноте, что-то поскрипывало — размеренно, ритмично, словно кто-то старый и очень терпеливый покачивался в кресле-качалке. Или словно кости перетирались друг о друга.

Сиденья тянулись в обе стороны — высокие, с резными спинками, обитые тёмно-красным бархатом, выцветшим до цвета запёкшейся крови. На каждом сиденье лежала салфетка, белая, накрахмаленная, и стоял подстаканник — тяжёлый, латунный, с гравировкой в виде спирали. Светильники под потолком были не в в же ламп. Это были тыквы — маленькие, аккуратно вырезанные, с горящими углями внутри. Они покачивались в такт движению поезда, и их тени на стенах были неправильными.

Сяолун вцепилась в лютню, висящую на поясе, словно та могла её защитить. Её новое тело — тело барда — было сильным, ловким, но сейчас она чувствовала себя маленькой и беззащитной, как никогда в жизни.

— Иньюэ, — прошептала она, не отрывая взгляда от прохода. — Тут кто-то есть.

По проходу шёл... кто-то.

Сначала это был просто звук — медленный, шаркающий, словно по полу волочили что-то тяжёлое. Потом появилась тень — длинная, искажённая, она ползла по стенам, обтекала сиденья, тянулась к потолку. А потом из темноты выступила фигура.

Высокая. Тощая. В форме проводника — тёмный сюртук с медными пуговицами, фуражка с потёртым околышем, начищенные до блеска ботинки, которые скрипели при каждом шаге. Но лицо...

Лицо было вытянутым, серым, словно вырезанным из старого дерева, покрытого трещинами. Кожа натянулась на скулах, как пергамент, и под ней угадывались очертания черепа. Один глаз бегал по сторонам, цеплялся за лица пассажиров, за окна, за тыквы. Второй глазницы не было вовсе. Вместо неё — пустота, чёрная, глубокая, и в этой пустоте тлел оранжевый огонёк. Он разгорался и гас, разгорался и гас, словно существо дышало через эту дыру. И каждый раз, когда огонёк вспыхивал, по вагону проходил лёгкий ветер — холодный, пахнущий сырой землёй.

— Лихо, — прошептала Иньюэ.

Сяолун обернулась к ней. Её лицо побледнело.

— Что? — Лихо Одноглазое. — Иньюэ не отрывала взгляда от проводника. — Из сказок. Оно приносит несчастье. Оно... — Она замолчала, потому что существо повернуло голову в их сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.